

И. Б. ЧУБАЙС,

*директор Центра по изучению России, декан факультета социологии
и россиеведения Института социальных наук,
доктор философских наук (Москва)*

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ РУССКИЙ МИР ЧАСТЬЮ МИРОВОЙ ИСТОРИИ, ИЛИ ПОЧЕМУ МЫ НЕ СЛЫШИМ ВЫЗОВЫ ЭПОХИ?

Частью целого может быть лишь то, что создано по правилам этого целого, что так или иначе вписывается и соответствует его нормам. Если анализировать ситуацию в нашей стране, то следует признать — мы не включили себя ни в какие действующие мировые стандарты и не создали никаких новых мировых эталонов. Мы пребываем вне истории.

Возникает множество вопросов, на которые необходимо найти ответы.

Чем был порожден российский кризис? Наши проблемы стали фундаментальными не после 1991 года и даже не в пресловутом 1917-м. Кризис стал очевидным в конце XIX века. Именно тогда государство, почти тысячу лет основывавшееся на принципе «Бог есть мера всех вещей и отношений», начало переходить в полосу безбожия и атеизма. Если моральные нормы у нас соблюдались потому, что в Библии сказано: чти отца, чти мать; если право поддерживалось заповедями Священного Писания: не убий, не лжесвидетельствуй; если власть почиталась, ибо император — помазанник Божий, то уход от веры вел к падению всех вековечных правил и основанного на них общества и государства. (Тот же процесс происходил и на западе Европы. Достоевский и Ницше заметили его одновременно, но реагировали по-разному. «Если Бога нет — все дозволено», — предрекал наш соотечественник. «Бога нет — и слава Богу», — уверял предвестник «белокурых сверхчеловеков».)

Кто и как стремился преодолеть наш кризис? Кризис веры породил в России мощный духовный поиск, получивший скромное название «Серебряный век» (а не бриллиантовый, сопоставимый с духовным взлетом Древней Эллады). Кризис правил спровоцировал три революционных срыва. В политике распад основ привел к становлению двух политических стратегий. Если старое зашаталось, его надо сломать полностью, до основания, считали эсеро-большевики. Революционерам противостояли реформаторы. «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия. Дайте мне 20 лет без войн и революций, и я преобразую страну», — пророчил Петр Аркадьевич Столыпин. Но линии Ленина суждено было победить линию Столыпина. В результате было создано совершенно новое государство. Россия превратилась в СССР и оказалась страной, разделенной во времени. От внешнего мира нас отделил железный занавес, от собственных корней и истории — вбитый большевиками и по сей день не вполне извлеченный красный клин. Мы 70 лет «догоняли и перегоняли США», превосходили Россию 1913 года, «строили наш новый мир» по своим оригинальным нормам и законам, называемым коммунистической идеей, но реально являвшимся коммунистической идеологией. В итоге в 1991 году исчезло мировое коммунистическое движение, мировой социалистический лагерь, распались сам СССР и КПСС. Почти два десятилетия

мы пребываем в стране, где изжившие себя нормы отброшены, а новые так и не приняты.

Действительно ли у нас нет правил? Ситуация, в которой мы оказались, внесла в повседневный языковой оборот лагерный термин «беспредел». Для нашей страны характерно отсутствие норм или, что то же самое, действие двойных стандартов. В 1932 году Храм Христа Спасителя был взорван, в 1990-м — восстановлен, при этом никаких расследований и разбирательств ни в первом, ни во втором случае не производилось. И разрушители, и восстановители были властями обласканы. Значит, через какое-то время в центре столицы вновь прогремит взрыв? В 1991 году москвичи сбросили с пьедестала памятник палачу, но уже второе десятилетие идет вялотекущая дискуссия — стоило или не стоило? Значит, мы все еще стоим на месте и никуда не движемся. Постыдным свидетельством нашего интеллектуального бессилия является то обстоятельство, что историческое определение самых страшных тиранов России — Ленина и Сталина именно как тиранов все еще официально не узаконено. И здесь также действует двойной стандарт. Мы знаем, что генерал Власов — предатель, ибо во время войны он перешел на сторону врага и воевал с соотечественниками. Свои дни он закончил на виселице. Но почему же Ленин, призывавший к уничтожению правительства в войне, к превращению войны империалистической в войну гражданскую (унесшую 15 млн жизней!), организовавший на деньги врага переворот и убийство императора, до сих пор покоится в мавзолее? Закон у нас действует избирательно, что является очевидным доказательством неправового характера государства (одних олигархов преследуют, тут же создавая других).

Отсутствие правил порождает деградацию. Агрессия и самоагрессия (суицид и дедовщина на всех уровнях, скинхедизм), непрерывные техногенные катастрофы, тотальная гиперэротизация и коррупция — ее ближайшие последствия. Неидентифицированность государства крайне затрудняет адекватную самоидентификацию его граждан. В обществе доминируют дискомфорт, стресс, разочарование, депрессия. Правил нет не только во внутренней жизни, но и во внешнеполитическом измерении. У России не осталось союзников, мы рассорились с ближними и дальними соседями, стали непредсказуемы и непонятны для других. Мы никого не догоняем и не перегоняем, мы пребываем вне истории. А дольше всего идет тот, кто не знает пути.

Есть ли выход и в чем он состоит? После распада СССР у России, рассуждая формально, есть четыре способа обретения правил, причем лишь один (3) из них является адекватным:

1) Новая Россия может стать новым СССР, пусть уменьшенным, но исправленным и улучшенным. Если есть такая партия, то есть и такие избиратели. Но надо прямо признать, что движение по этому маршруту неизбежно приведет к рецидиву катастрофы.

2) Новая Россия может отказаться от своей истории, как советской, так и досоветской, объявив ее неправильной. Тогда придется максимально копировать западные нормы — таков маршрут «СПС» и ее малочисленных сторонников.

3) Новая Россия может стремиться к преодолению 70-летнего разрыва и к самовоссоединению с исторической Россией. Путь преемства — это продолжение реформ Витте–Столыпина с целью вписаться в современность и модернизация русской идеи, превращение ее в обновленную общероссийскую идею. Мы не можем выбросить семь десятилетий, но можем и должны взять за основу ценности тысячелетней России, модернизировав их с учетом происходившего в стране и за рубежом в советское время. Это и есть реальный, хотя и нелегкий путь возвращения к себе, путь обретения истории, возвращения в мировое социокультурное пространство.

4) В действительности нынешняя власть не является ни советской, ни российской, ни западной. Она стремится не идентифицировать себя ни с какими правилами и непрерывно «тасует колоду». В мутной воде бюрократия чувствует себя более комфортно. «Мы монетизируем льготы, у нас же не СССР, не плановая экономика!», — говорят по одному радиоканалу. Из другого доносится: «Наша история священна, поэтому памятник Сталину мы восстановим!». По телевизору кто-то вещает: «Наша история священна, но не совсем, памятник Дзержинскому восстановим, а про колчаков и денкиных — думать не моги!». По другому телеканалу показывают госруководителей со свечами в церкви, которые всем сообщают — это совбандиты уничтожали церковь, мы тут ни при чем. Ну, а когда у нас готовят саммит Большой восьмерки, выясняется, что Россия — обычная западная страна. Такой подход тупиковый и вырывает нас из мировой истории. Советское не сочетается ни с чем и не вписывается ни во что. Мы пытаемся быть немножко советскими, а немножко несое-

скими. А бюрократии нравится жить по принципу «Добро пожаловать, оккупанты!».

От русской идеи — к обновленной общероссийской идее, или что такое преемство? Преемство с исторической Россией означает, прежде всего, преемство так называемой национальной идеи, вопрос о которой у нас очень запутан. Должен сказать, что в действительности, на научном уровне (а проблема эта, действительно, научная) решение получено и представлено более десятилетия назад. Суть дела заключается в следующем. Во-первых, национальная идея — это не узко этническая русская нормативность, речь идет об общенациональной, общероссийской идее. (В том же смысле у нас говорят о национальной сборной, национальной безопасности или национальном проекте.) Особенно важно учитывать, что национальная идея существует почти так же объективно, как законы физики. Архимед не создал, а открыл, выявил так называемый закон Архимеда.

Идею также не следует выдумывать, она не имеет никакого отношения ни к «конкурентоспособности во всем», ни к «либеральной империи», ни к «суверенной демократии»... Ее содержание раскрывают четыре взаимодополняющих и взаимопроверяющих исследования, которые приводят к выводу: русская идея — это православие, собирание земель и общинный коллективизм. (Если вы методом контент-анализа исследуете 1100 пословиц из сборника Даля, методом анализа семантического поля рассмотрите русскую поэзию XIX века, философски проанализируете всю историю страны с VIII по XXI век и сопоставите результаты с высказываниями русских писателей-философов о русской идее, вы придете к тем же выводам).

Как же перейти от «трех китов» русской идеи к их современному, обновленному и реформированному толкованию? В самой сжатой форме ответ сводится к четырем на-

чалам — историзму, нравственности, обустройству и демократии. Чтобы преодолеть разрыв, восстановить связь с прошлым, гордиться 12-вековой историей страны, необходимо эту историю вернуть. (Сейчас у России формально вообще нет истории; год назад Тверской суд Москвы отказался реабилитировать Николая II, значит десять веков — впустую; 70 лет рухнули сами собой. Так где же наше время?)

Пора осознать, что мы родились не под залп «Авроры», а существуем с VIII века, для этого и нужен историзм. Вопрос о вере является личным, его сложно обсуждать публично. Но нельзя не признать, что сутью православия, его «культурологическим снятием» является утверждение приоритета нравственности и духовности. Как известно, пушкинский Германн, желавший утвердить на Руси монетаризм, закончил свои дни в психушке. У нас и сегодня главное — не деньги, а нравственное начало. Проект собирания земель Россия успешно завершила в XIX веке, количественный рост должен перейти в качественный, нам давно пора перейти к обустройству, думать о новых территориях поздно и контрпродуктивно. Переход от экспансии и жизни по законам военного времени к обустройству делает востребованной демократию. Но российская демократия имеет свою специфику. Она не может подавляться бюрократией, как это происходит у нас сегодня. Она не может быть высшей самоценностью, как это принято на Западе, где релятивизированы все святыни — и Бог, и Родина, и семья, и природа. Демократия по-русски вторична и подчинена морали, ее действие не должно выходить за рамки нравственных принципов и начал.

Приняв концепцию преемства, восстановив свою идею, мы вернемся в свою историю, а значит, и в мировую. Тогда-то мы услышим вызовы эпохи и представим на них свой ответ.